

Предисловие

В первой половине 2011 г. большинство российских научных и образовательных учреждений гуманитарного профиля, а также общественных организаций, претендующих на значимое место в политической жизни, сочли своим долгом отметить 150-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости в России. Во многом это объясняется повышенным вниманием к данному юбилею. По данным опроса, проведенного в 2011 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), отмену крепостного права в 1861 г. самым значимым событием российской истории XIX в. считают 62 % россиян. Для сравнения: Отечественная война 1812 г. и восстание декабристов получили соответственно 28 и 22 % голосов.

Такое внимание к событию, произошедшему полтора века назад, во многом было спровоцировано активной актуализацией реформ Александра II в массмедиа, энергичной эксплуатацией символики «освобождения», «прогресса» и т. д. («Александр II поныне остается единственным царем, при котором обществу удалось примириться с властью хотя бы на миг. Не его вина, что ни одну полноценную реформу нельзя в России довести до конца, не заплатив за это кровью». — Телепроект «Имя Россия — Александр II», телеканал «Россия», эфир 30 ноября 2008 г.). Немалое значение имело и то, что 19 февраля 1861 г. уже давно стало общепринятым рубежом разделения России на «старую» и «новую». Таким оно укрепилось и в сознании современников, и в дореволюционной историографии. Советские историки назначили этот день переходным от одной формации к другой: от феодализма к капитализму. Само выражение «девятнадцатое февраля» для образованного россиянина стало таким же понятным и значимым паролем, как «четырнадцатое декабря», «семнадцатое октября», «двенадцатый год», т. е. выражением, маркировавшим подобные переломные моменты — восстание декабристов в 1825 г., издание Манифеста о политических свободах 1905 г., победу над наполеоновской Францией в 1812 г.

Дополнительную значимость юбилею придало внимание к нему со стороны властных структур. 3 марта 2011 г. президент России Д.А. Медведев выступил на конференции «Великие реформы и модернизация России» в Петербурге и возложил цветы к могиле Александра II. Последнее символическое действие прямо указывало на желание нынешнего главы государства проде-

монстрировать некую преемственность между преобразованиями 1860–1870-х гг. и изменениями в политической и социально-экономической сферах 2000–2010 гг. В своем докладе президент заявил буквально следующее: «По сути, мы все продолжаем тот курс, который был проложен полтора века назад». Присутствовавшим в Мариинском дворце ясно давалось понять, что реформы обеих сравниваемых эпох требовали жертв, неоднозначно воспринимались в обществе, а их инициаторы и проводники в жизнь нередко подвергались несправедливой критике современников и потомков. Тем не менее преобразования Александра II открыли «путь России к экономическому прогрессу, к развитию, к развитию внутреннего рынка, к развитию промышленности». Президент не обошел своим вниманием вопрос, являющийся, по сути, ключевым при оценке преобразований 1860–1870-х гг.: какова их роль в том, что произошло в стране в начале XX в.? Почему Россия семь десятилетий шла своим особым, чрезвычайно трагическим путем? Подоплека этого вопроса в устах политика очевидна: какие уроки можно извлечь из истории alexандровских реформ при проведении и подготовки реформ нынешних?

Как известно, за преобразованиями 150-летней давности закрепилась характеристика «половинчатые и противоречивые», поскольку наследство царя-освободителя заключает в себе не только «славное», но и «неоднозначное». И вновь слова президента звучат как оправдание сегодняшних проблем: «Политические и социальные преобразования должны быть продуманными, рациональными, постепенными, но неуклонными». Недобрый словом был помянут один из столпов самодержавия — «военно-бюрократическая вертикаль власти», а в заочном историческом споре Николая I, Сталина и Александра II Медведев назвал победителем царя-освободителя и завершил свое выступление словами: «...главное мы поняли: поняли, что свобода всегда лучше, чем несвобода».

3 марта 2011 г. специальное торжественное заседание в храме Христа Спасителя в Москве провели иерархи Русской православной церкви, перед которыми выступил патриарх Кирилл с речью «Великие реформы императора Александра II — успешный пример модернизации». Прежде всего глава РПЦ обратил внимание на то, что эти преобразования прошли «без смуты и братоубийства, мирно и упорядоченно — в первую очередь благодаря мудрым и решительным действиям как государственной власти, так и общества».

Первый важный урок, который должна усвоить Россия сегодняшняя, — важные и мирные преобразования стали плодом «согласия различных общественных групп», придерживавшихся различных идеологических направлений. Второй важный урок, по мнению патриарха Кирилла, заключался в том, что «впервые в послепетровской России модернизация национального масштаба не была связана с механическим копированием чужого опыта государственного управления, социального устройства и технического оснащения, но осуществлялась с опорой на нравственные нормы, духовную и культурную традицию народа». Далее, призывая к укреплению социального мира, патриарх сделал довольно двусмысленное заявление, сравнивая тогдашний отказ дворянства от части наследственных привилегий с сегодняшней необходимостью для имущих слоев России поделиться материальными благами со слоями малоимущими.

Юбилей крестьянской реформы 1861 г. оказался очень кстати, поскольку он пришелся на время обострения дискуссии о модернизации России уже в первой четверти XXI столетия. При этом дискуссия выходит далеко за академические рамки, поскольку она тесно связана с выбором пути, с формированием конкретного плана действий в экономической, социальной и политической сфере. При всем своем многообразии идеи преобразований складываются в два принципиально отличающихся друг от друга комплекса. Первый запускает необратимый и бюрократически неуправляемый процесс коренных социальных и культурных перемен перехода к гражданскому обществу с глубокой демократизацией системы государственного управления. Второй комплекс предусматривает установление границ информационного обмена, мобилизационную модель развития, выстраивание новой социальной иерархии, направленное государственное регулирование. Цели модернизации и движущие силы в обеих моделях радикально различаются. В первом случае процесс завершается глубинной перестройкой всего общества, во втором случае дело ограничивается только техническими заимствованиями. Для перестройки требуются усилия политически активного, ответственного общества, «технологическое обновление» может провести и «просвещенная бюрократия» в союзе с другими элитными группами¹. Выбор между этими путями модернизации стоял

¹ Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27.

перед Россией середины XIX в., перед таким же выбором стоит и Россия начала XXI в.

Дополнительную остроту дискуссиям о путях дальнейшего развития страны и дополнительный импульс к использованию исторического опытаalexандровских реформ придает видимое невооруженным взглядом сходство внутренней и внешней политической ситуации. В 1860-е гг. Российская империя приходила в себя после поражения в Крымской войне. В 2010-е гг. Россия (ее часть с имперским мышлением) переживает неудачу в войне холодной, закончившейся распадом СССР. Как в далекие годы, так и сейчас обществу пришлось испытать крайне болезненное усвоение новых представлений о справедливом и несправедливом порядке распределения собственности. Важным обстоятельством является и то, что правительственный аппарат как 150 лет назад, так и сегодня автономен по отношению к обществу. Это, с одной стороны, облегчает проведение непопулярных мероприятий, но с другой — делает проблематичным представление правительенной программы модернизации как проявления народной воли.

Актуализация истории реформ Александра II, акцентированная дидактичность опыта преобразований полтора века давности стали причинами того, что в центре внимания общественности и научных кругов находится не только сама крестьянская реформа и даже не ее исторический контекст, а ее «уроки», возможность использовать ретроспективный материал в качестве аргументов в сегодняшнем политическом и научном диспуте. Об этом свидетельствуют сами названия юбилейных конференций: «Освобождение человека — реформаторские идеи в России и Европе (XIX–XXI вв.)» (ИНИОН, Германский исторический институт в Москве, Франко-российский центр); «Российский опыт реформ. К 150-летию Манифеста императора Александра II об освобождении крестьян от крепостной зависимости» (РГТЭУ, Российское дворянское собрание и Общероссийское общественное движение «За Веру и Отечество»); «Александр II и Авраам Линкольн» (Отделение историко-филологических наук РАН, Институт всеобщей истории РАН, Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Государственный архив Российской Федерации); «Предтеча великих реформ. К 200-летию В.Г. Белинского и к 150-летию отмены крепостного права в России» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). Конференция «Великая крестьянская реформа 1861 г. и ее влияние на развитие

Форум участников конференции

ПОЧЕМУ ТЕМА РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II НЕ ВОСТРЕБОВАНА СЕЙЧАС НАУЧНЫМ СООБЩЕСТВОМ И МАЛО (ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЮБИЛЕЯ) ВОСТРЕБОВАНА ОБЩЕСТВОМ?

Марина Витухновская-Кауппала

Я часто задумываюсь: почему историческая память народа России так несправедлива? Почему царь, осуществивший величайшие реформы, освободивший от рабского состояния более 20 миллионов человек, так мало привлекает к себе симпатии населения страны? Читая лекции, работая над исследованиями, я часто сверяюсь с данными социологов, в частности — об исторических предпочтениях россиян. Вот некоторые из результатов — тех, что касаются памяти об Александре II.

По данным Левада-центра за 2008 г. (вопрос звучал так: «Назовите самых выдающихся людей всех времен и народов»), Александр II даже не вошел в число первых 25. Его опередили не только Ленин, Сталин и Путин, но даже Брежнев, Есенин и, что совершенно за гранью моего разумения, Гитлер (см.: <http://www.levada.ru/press/2008090104.html>). В том же году подобное исследование, но касательно деятелей только российской истории, проводил Фонд общественного мнения (ФОМ). Вот результат: Александр II оказался в аккурат на 25 месте («иностранцы» Наполеон, Эйнштейн и Гитлер, опередившие царя-освободителя в левадовском списке, здесь сошли с дистанции) (<http://bd.fom.ru/report/map/istd2>).

Мне кажется, что такое отношение к Александру II связано с тем, что на протяжении длительного времени по разным причинам так называемая историческая политика (т. е. политика построения исторической памяти) не нуждалась в его образе. Как показали в своем докладе Н.Н. Родигина и М.А. Коркина, уже во времена Николая II фигура Александра II была практически выведена за скобки официальной идеологии, поскольку власть раздражал любой намек на реформы и тем более на либерализацию общества. Советская школа, воспитавшая основную часть нынешнего населения России, стояла на том, что Александр провел реформы вынужденно, под

давлением революционной ситуации (см. доклад В.В. Веденникова), а кроме того, освободил крестьян почти без земли. Вообще же советская идеологическая схема строилась в том числе и на отрицании идей либерализма, насмешливо-высокомерном отношении к либеральной идее и ее носителям (достаточно вспомнить ходульно-карикатурные фигуры кадетов — членов Временного правительства из фильмов об Октябрьской революции).

Короткий период перестройки и ранних 1990-х гг. не успел сформировать устойчивого представления о русском XIX в., так как историческая политика этого времени была нацелена прежде всего на отрицание советской истории. Хорошо об этом сказал в одном из выступлений член правления общества «Мемориал» Александр Даниэль: главный пафос либеральных политиков начала 1990-х состоял в том, чтобы как можно скорее забыть о советском прошлом и «не поворачиваясь идти вперед к товарищу Столыпину или к Петру I». Знаменательно, что вакантное в российской исторической памяти место реформатора занял с тех пор (и занимает по сей день) отнюдь не Александр II или, скажем, Сергей Витте, а олицетворение концепции консервативного реформаторства Петр Столыпин (образ, идеализированный в произведениях А. Солженицына и поныне крайне востребованный).

Наконец, за последние 20 лет в России сконструирована новая официальная историческая память. В историческом прошлом России подчеркиваются имперская и антизападная компонента, роль православия как цементирующего нацию института, чуждость и вредность либеральной мысли и соответствующих институтов. Как может такого рода историческая память соотноситься с памятью о реформах Александра II, таких, например, как создание земского самоуправления и суда присяжных или введение выборности университетского правления? Великие реформы вели к демократизации общественного сознания, они создали целый класс свободно и критически мыслящих людей. Как это может сочетаться с нынешним внедрением в умы представления о либеральных институтах как о «говорильне», а об оппозиции как о заведомо ущербных неудачниках, занятых исключительно самопиаром?

Приходится признать, что, поскольку время Великих реформ не соответствует магистральному направлению нынешней исторической политики, оно не привлекает внимания и как материал ни для произведений искусства, ни для медиа. Ни о царе-освободителе, ни о его времени не снимаются фильмы, которые могли бы сильно повысить его «рейтинг», не пишутся популярные книги (посмотрите, какое разнообразие книг о Сталине или об адмирале Колчаке

на полках книжных магазинов!). Нет заказа на то, чтобы Александр II стал медиаперсоной, а раз так, нет инструментов, которые могли бы способствовать внедрению его образа в общественное сознание.

Наконец, приходится с сожалением отметить и некоторую дегуманизацию современного российского общества, и значительную утрату россиянами традиции семейной и местной памяти. Мне кажется, именно поэтому людей так мало волнуют не только освобожденные 150 лет назад крестьяне, но и загубленное Сталиным 80 лет назад население. Незнание, помноженное на равнодушие, — вот та почва, в которую можно внедрить любую конструкцию исторической памяти, из каких бы ложных посылов она ни исходила. Живя в Финляндии, я неоднократно отмечала, сколь отчетливо помнят потомки финских красных и белых периода Гражданской войны своих дедов и прадедов, их судьбу и их позицию в страшном конфликте, расколовшем страну. Совсем по-другому это выглядит в России. Приведу в качестве примера поразивший меня совсем недавно факт. Режиссер Андрей Смирнов снимал фильм «Жила-была одна баба», посвященный Тамбовскому восстанию, в Тамбовской области. Он спрашивал местных жителей (внуков восставших!) о тех событиях. Они не знали почти ничего! Единственный факт, известный этим людям, это расстрел местного председателя сельсовета «контрреволюционерами-антоновцами». Всё! И это — через 90 лет после событий. Можно ли удивляться тому, что память об Александре II так слабо теплится в душах и умах праправнуров освобожденных им крестьян!

Владимир Лапин

Как известно, в советской историографии внимание исследователей сосредоточивалось на «процессах» и «событиях», а люди — их участники — рассматривались исключительно как массы и деятели: государственные, военные, деятели науки и культуры, революционного и общественного движения. При этом круг лиц, стоявших «по ту сторону баррикад», был крайне ограничен, можно сказать — доизирован. Тексты большинства исторических трудов, написанных в 1930–1980-е гг., отличаются «бездействием», серьезные психологические характеристики в них крайне редки, влияние личных жизненных стратегий деятеля учитывается редко или крайне однобоко. Александр II оказался вне «разрешенного круга». В постсоветский период в первую очередь внимание историков привлекали фигуры, требовавшие своеобразной «реабилитации», — Павел I, Петр III, Николай I, Александр III, Николай II. Существовавший довольно туманный образ (и при этом не карикатурный) Александра II тако-

го не требовал. Когда же в историографии наметилось оживление интереса к государственным деятелям прошлого как к живым людям, царь-освободитель оказался в тени своих Великих реформ. Иногда создается впечатление, что исследователей смущает несоответствие масштабов преобразований и преобразователя.

Александр Шевырев

Безразличие исторической памяти к Александру II и его эпохе объясняется, на мой взгляд, особенностями историографического наследия. Советская историография была отнюдь не индифферентна к эпохе Великих реформ, но при этом она совершенно не замечала самого Александра II. Разумеется, интерес к личности монархов искусственно сдерживался по идеологическим соображениям. Из династии Романовых серьезно заниматься можно было только Петром I в силу очевидной прогрессивности его действий. Все остальные монархи были, по сути дела, под запретом. Но кое-какие работы просачивались сквозь цензурные решетки. Была работа Н.Я. Эйдельмана о Павле, монография П.А. Зайончковского об Александре III, поверхностные, где-то даже пасквильные, книги Н.П. Ерошкина и М.К. Касвинова о Николае II, но об Александре II не было ничего.

Реформы же были предметом достаточно серьезного изучения в советской историографии. Марксистская концепция, которая лежала в ее основе, была телеологична, представляя историю как движение к одной цели. А поскольку Великие реформы подвигали страну на путь капитализма, то в конечном счете они приближали страну, а вместе с ней и весь мир к этой цели. Практически все из Великих реформ достаточно обширно были отражены в литературе, в которой отмечались как буржуазная прогрессивность преобразований, так и их феодальная ограниченность. Но при этом Александра II в них не было совсем. Писать о нем осуждающе, как, скажем, о Николае I или Николае II, было бы не совсем справедливо, говорить же о нем хорошо, как о прогрессивном деятеле, как о человеке, который совершил великий акт освобождения, не вполне соответствовало классовому подходу, поэтому был избран такой компромиссный вариант: не говорить о нем вообще ничего.

Когда наступила современная эпоха, то началась переоценка личностей и действий многих монархов. Историки и публицисты взялись реабилитировать Николая II, Александра III, Николая I, Павла I, Петра III, т. е. тех, чья репутация в советское время была однозначно негативной. А Александр II в реабилитации не нуждался, потому что его раньше как бы и не было. Достижением современной

историографии стало простое человеческое внимание к его личности, к его сильным чувствам, к его трагической гибели.

Реформы же как раз нуждались в переосмыслении. Достаточно хорошо изученные с фактической стороны, они требовали новой интерпретации — уже вне рамок марксистской концепции. Однако телеологическая парадигма в исторической науке и в еще большей степени в историческом сознании сохраняется. Реформы, так или иначе, ставятся в соотношение с важнейшими поворотными вехами в большем или меньшем отдалении: с 1 марта 1881 г., с 1905 г., с Февральской революцией. Пересмотр в общественном сознании последнего события, признание за ним трагического, а не триумфального значения с неизбежностью требует подобного пересмотра и в отношении Великих реформ. Однако признать их трагической ошибкой пока не удается.

Амбивалентность восприятия Великих реформ блестяще отразила программа хора «Валаам», посвященная 150-летнему юбилею крестьянской реформы и 130-летней годовщине смерти Александра II. Она начиналась пафосным чтением Манифеста 19 февраля 1861 г. — гуманистического акта освобождения народа, а заканчивалась не менее пафосным возвещением Манифеста 29 апреля 1881 г. — трагического акта отрицания всего, что было совершено Александром II.

Сергей Любичанковский

На мой взгляд, реформы Александра II сегодня не находятся на периферии общественного внимания, хотя и в его фокус они, видимо, также не попадают. Дело в том, что обывателям присуще свойство искать в прошлом аналогии, причем аналогии упрощенные. Сегодня, в начале второго десятилетия XXI в., очевидной является вос требованность в России опыта реформаторского курса не Александра II, а Александра III, не столько либерального, сколько консервативного поворота, связанного с укреплением государственности. Это, конечно, не значит, что Великие реформы подвергнуты сегодня какой-то общественной обструкции. Как раз наоборот, крестьянская, судебная и военная реформы 1860–1870-х гг. соотносятся в сознании миллионов наших граждан с бесспорными достижениями империи, способствовавшими ее выходу из кризиса и укреплению. Однако в современном обществе есть также понимание того, что даже ради самых благих целей нельзя было допустить торговли собственными территориями (продажа Аляски), приватизации стратегических объектов инфраструктуры (железные дороги), частичной утраты общественного порядка (террор, восстания окраин и пр.) и, я бы сказал, идеологического раскола социума.

Если ранее, в позднее советское время, большинство интеллигии, устав от навязшей в зубах государственной риторики и перестав видеть в ней смысл (который, видимо, все же присутствовал), готово было ради «перемен», которых «требуют наши сердца», гипотетически поступиться частью этих ценностей, ссылаясь, как правило, на временный характер таких уступок, то и опыт преобразования России Николая Палкина в почти что либеральный (так утверждали многочисленные публицисты и кое-кто из историков периода перестройки) режим Александра II казался главным историческим прецедентом для «новой России». Теперь, после всего пережитого и еще переживаемого, наше общество в массе своей настолько устало от либеральной (пусть даже часто — псевдолиберальной) демагогии последних двадцати пяти лет, под прикрытием которой происходили и экономические преступления, и развал государственности, и торговля национальными интересами, и разгул национализма, что любая ссылка на тот опыт подвергается сомнению, иногда даже вопреки здравому смыслу и известным фактам — и это вполне естественно. Иными словами, дискредитация либерально-реформаторской идеи в новейшей России, объективно имеющая место быть, отодвигает на задний план общественного сознания и весь тот исторический опыт, который ассоциируется с либеральным реформаторством.

Повторюсь, это не значит, что Великие реформы подверглись какому-то забвению. Так могут рассматривать современные процессы переоценки прошлого одни лишь ультрарадикальные либералы, для которых либерализм Александра II является единственно возможной базой оценки его деятельности. Таковых меньшинство, хотя иногда кажется, что «подавляющее меньшинство». Все же сегодня Александр II гораздо чаще трактуется не как либерал, а именно как государственник (успехи в Средней Азии, отмена унизительного Парижского мира в части «нейтрализации» Черного моря), укрепивший армию и флот (военные реформы Миллютина и вел. кн. Константина) и стремившийся к восстановлению справедливости (отмена крепостного права, введение суда присяжных и др.). В этом смысле Александр II принадлежит теперь столь же «коммунистам», сколь и «демократам».

Если же говорить о научной общественности, то в современной науке Великие реформы, признаваясь очевидным и закономерным шагом России вперед, вместе с тем оцениваются неоднозначно как с точки зрения их успешности, так и с точки зрения эффективности реализации задуманного. Фактически поставленный в более раннее время в историографии вопрос о так называемой половинчатости

Об авторах

Абакумов Олег Юрьевич — канд. ист. наук, доцент кафедры истории отечественного государства и права Поволжского института имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. *Научные интересы:* правительственная политика и общественная жизнь дореволюционной России. E-mail: abakumovoy@mail.ru.

Веденников Владимир Викторович — канд. ист. наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. *Научные интересы:* история общественной мысли и общественного движения второй половины XIX — начала XX в., история исторической мысли, национальный вопрос. E-mail: vedvlvik@mail.ru.

Витухновская-Кауппала Марина Александровна — доцент Хельсинкского университета. *Научные интересы:* Финляндия и Карелия в имперской политике России, историческая память в Финляндии и России. E-mail: kauppala@saunalahti.fi.

Кауппала Пекка — доцент Хельсинкского университета. *Научные интересы:* Российский Север (история и современность), период НЭПа, Крымская война, теории развития. E-mail: kauppala@saunalahti.fi.

Коркина Мария Андреевна — аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. *Научные интересы:* политическая история второй половины XIX — начала XX в. E-mail: mari-andre@yandex.ru.

Лапин Владимир Викентьевич — д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. *Научные интересы:* военная история России XVIII — начала XX в., история Кавказа XIX в., история Кавказской войны, историческая память, технологическая история. E-mail: lapin.ww@yandex.ru.

Любичанковский Сергей Валентинович — д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН, профессор кафедры истории России исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета. *Научные интересы:* история российской государственности, история постформенной Российской империи, история Урала, методология истории. E-mail: svlubich@yandex.ru.

Патрушева Наталья Генриховна — канд. ист. наук, зав. сектором книговедения Отдела редкой книги Российской национальной библиотеки. *Научные интересы:* история цензуры в дореволюционной России. E-mail: patrusheva@nlr.ru.

Родигина Наталия Николаевна — д-р. ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета. *Научные интересы:* интеллектуальная история второй половины XIX — начала XX в., история журналистики. E-mail: natrodigina@list.ru.

Сак Ксения Васильевна — аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. *Научные интересы:* императорская фамилия, социокультурная история России второй половины XIX — начала XX в. E-mail: ksenia.sak@gmail.com.

Сафропова Юлия Александровна — канд. ист. наук, сотрудник факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. *Научные интересы:* история революционного народничества, история терроризма, практики чтения нелегальной литературы. E-mail: jsafronova@eu.spb.ru.

Степанов Валерий Леонидович — д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН (Москва); профессор, факультет гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва); профессор, исторический факультет Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. *Научные интересы:* история России XIX — начала XX в., модернизация, внутренняя политика, экономика, финансы, реформы, либерализм, консерватизм. E-mail: valerij-stepanov@mail.ru.

Шевырев Александр Павлович — канд. ист. наук, доцент кафедры истории России XIX — начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. *Научные интересы:* внутренняя политика второй половины XIX в., Великие реформы, флот во второй половине XIX — начале XX в., историческая урбанистика, Петербург и Москва в XIX — начале XX в. E-mail: london7579@yandex.ru.